

ВВЕДЕНИЕ

Основные подходы к изучению смысла предложения

Странным и непостижимым образом лингвистика, изучив до мельчайших подробностей все стороны и механизмы Языка и языков, оставила почти совсем вне поля своего зрения обширную и увлекательную для исследования область значения предложения. Синтаксис, в задачу которого входит обследование жизни предложения, обычно ограничивался изучением его формального строения безотносительно к семантике и в отвлечении от коммуникативных целей. Последние принимались во внимание лишь в той степени, в какой они закреплены строем предложения (ср. повествовательное предложение, вопрос, побуждение). Будучи разделом грамматики, синтаксис старался не выходить за пределы собственно грамматических категорий. Он отдавал дань семантике главным образом попытками вскрыть значение синтаксических связей и смысловым определением функций второстепенных членов предложения (обстоятельства места, времени, причины и пр.). Ни природа значения предложения и его составов, ни семантические типы предложений, ни семантические типы субъектов и предикатов, ни взаимодействие формальной и семантической структур предложения не были до последнего времени предметом специального анализа. Интерес к этому кругу вопросов пробудился 10—15 лет назад. Он был стимулирован целым рядом факторов, влиявших на развитие лингвистической мысли. Этому способствовало и наступление нового периода во взаимоотношениях лингвистики с логикой, относящейся с обостренным вниманием к содержанию предложения —

пропозиции, и общий поворот к смысловой стороне языка и речи, и обращение к прагматическому компоненту речевой деятельности, и концепция предложения как языкового знака, обладающего собственным означаемым. Необходимость изучать значение предложения возникла также в связи с теорией синтаксических трансформаций, опирающейся на понятие семантической эквивалентности предложений. Эта же задача вставала в ходе разработки моделей преобразования смысловых структур в правильно построенные высказывания того или другого языка.

С середины 60-х годов началось то, что можно назвать штурмом семантики предложения. Наступление ведется практически со всех сторон: оно разворачивается и с лексикологических позиций, и с плацдарма грамматики, и по линии выяснения ситуативных значений, и со стороны логики, обладающей в этой области несомненным приоритетом, и силами лингвистики речи¹.

Наиболее широкое распространение среди лингвистов получила денотативная, или референтная, концепция значения предложения. Она имеет своей целью определение отношений между высказыванием и обозначаемой им экстралингвистической ситуацией, или событием. Ситуативная концепция предложения последовательно развивается в работах В. Г. Гака. Считая высказывание полным языковым знаком², В. Г. Гак полагает, что «референтом высказывания является ситуация, т. е. совокупность элементов, присутствующих в сознании говорящего в объективной действительности, в момент «сказывания» и обуславливающих в определенной мере отбор языковых элементов при формировании самого высказывания»³. Соотношение между ситуацией и обозначающим ее предложением В. Г. Гак изучает в двух аспектах — ономаσιологическом и синтаксическом. В последнем случае анализируется соотношение синтаксических функций чле-

¹ Критическому обзору работ, касающихся семантики предложения, посвящена книга: *F. Daneš, Z. Hlavsa, J. Kořenský. Práce o sémantické struktuře věty. Praha, 1973.*

² *В. Г. Гак. О двух типах знаков в языке (высказывание и слово). «Материалы к конференции «Язык как знаковая система особого рода». М., 1967.*

³ *В. Г. Гак. Высказывание и ситуация. «Проблемы структурной лингвистики — 1972». М., 1973, стр. 358.*

нов предложения (главным образом актантов) и тех ролей, которые выполняют обозначаемые ими предметы в реальном событии.

Поскольку данное направление связывает значение предложения с положениями дел или событиями действительности, оно уделяет особое внимание анализу и определению ситуации ⁴.

Само понятие ситуации используется разными авторами в разных значениях: оно относится то к миру, то к языку (его семантике), то к способу мышления о мире, т. е. помещается в вершине любого угла рокового семантического треугольника.

Во многих случаях ситуацией называют экстралингвистический референт предложения, отрезок реальной действительности, частное событие, факт, о котором сообщается в конкретном высказывании. Так, по определению В. С. Храковского, «смысловая структура предложения представляет собой вырезанный и обработанный мыслью и языком фрагмент действительности, который принято называть индивидуальной денотативной ситуацией или событием» ⁵. Приведенная дефиниция дает, впрочем, основание отнести понятие ситуации не только к миру (это фрагмент действительности), но и к языковой семантике (это смысловая структура предложения), а в известной степени и к мышлению (это фрагмент действительности, вырезанный и обработанный мыслью). Некоторые авторы переносят ситуацию из действительности в язык. Под ситуацией они имеют в виду «сложную семантическую единицу», выражаемую предложением, и говорят о наложении ситуации на «континуум объективных явлений» ⁶. Иногда ситуация рассматривается в двух аспектах, или на двух уровнях абстракции — как «факт объек-

⁴ См., например: В. Г. Гак. Высказывание и ситуация; «Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив». Л., 1969; И. П. Сусов. Ситуация как означаемое предложения на реляционном уровне. «Вопросы английской и французской филологии». Тула, 1972; Ю. К. Лекомцев. Психическая ситуация, предложение и семантический признак. «Труды по знаковым системам», VI. Тарту, 1973; Г. Г. Сильницкий. Семантические типы ситуаций и семантические классы глаголов. «Проблемы структурной лингвистики — 1972». М., 1973.

⁵ В. С. Храковский. Проблемы деривационной синтаксической теории. Автореф. докт. дисс. Тбилиси, 1972, стр. 5.

⁶ Г. Г. Сильницкий. Указ. соч., стр. 373.

тивной действительности и как факт отражения и переработки этой действительности в сознании»⁷.

Некоторые ученые, исходя из того, что языковые выражения соотносятся с миром не непосредственно, а через «образ действительности», находящийся в сознании и памяти человека, употребляют термин «ситуация» только «в отношении психической ситуации, размещенной в психическом пространстве и психическом времени»⁸. Под предложением в этом случае разумеют цепочку звуковых образов, кодирующих некоторую ситуацию⁹.

Денотативное направление исследований занято изучением прежде всего того аспекта предложения, в котором отражена структура ситуации и который в разных работах получает название семантического, номинативного, денотативного, когнитивного, уровня референции, реляционной структуры, пропозиции. Оно оказалось плодотворным в выяснении и определении первичных и вторичных семантических функций актантов при многоместных предикатах¹⁰ и возможностей изменения их диспозиции¹¹.

⁷ И. П. Сусов. Указ. соч., стр. 26.—Ср. близкую точку зрения Г. Г. Сильницкого: «В качестве семантической единицы, составляющей сигнификативное значение, выражаемое предложением, ситуация противопоставлена денотату или ситуативному референту; под последним понимается «отрезок» внелингвистической действительности, обозначаемый предложением и отображаемый ситуацией (Г. Г. Сильницкий. Семантические и валентностные классы английских каузативных глаголов. Автореф. докт. дисс. Л., 1974, стр. 3).

⁸ Ю. К. Лекомцев. Указ. соч., стр. 446.—Ср. также у О. И. Москальской определение семантической основы предложения как «отражения человеческого сознанием обобщенных моделей фактов и ситуаций» (О. И. Москальская. Проблемы системного описания синтаксиса. М., 1974, стр. 12).

⁹ Ю. К. Лекомцев. Указ. соч., стр. 449.

¹⁰ В. Г. Гак. К проблеме синтаксической семантики (семантическая интерпретация «глубинных» и «поверхностных» структур). «Инвариантные синтаксические значения и структура предложения». М., 1969; Т. Б. Алисова. Именные члены предложения и их семантические функции.—НДВШ. Филол. науки, 1970, № 2; В. И. Егстафьев. Соотношение между семантикой и синтаксической функцией имени существительного в простом предложении французского языка. Автореф. канд. дисс. М., 1974; ср. также «надежную грамматику» Ч. Филлмора (см.: Н. Д. Арутюнова. Идеи синтаксиса и семантики в работах Ч. Филлмора.—ВЯ, 1973, № 1.)

¹¹ См.: «Категория залога (материалы конференции)». Л., 1970; Т. П. Ломтев. Предложение и его грамматические категории. М., 1972, гл. V.

Хотя все авторы, работающие в этом направлении, учитывают фактор модальности, т. е. разные виды отношения высказывания к действительности, в том числе и ирреальную модальность, а также существование ложных, ошибочных и неточных высказываний, в их исследованиях иногда приходится встречаться с несколько прямолинейными утверждениями и формулировками, которые заставляют вспомнить следующие слова Б. Рассела: «Если в солнечный день я утверждаю *Идет дождь*, едва ли уместно искать значение этого предложения в факте сияния солнца»¹².

Сдвиг интереса от изучения семантики актантной рамки глагола в сторону значения предиката можно наблюдать в работах Т. Б. Алисовой, сделавшей интересную попытку систематического изучения семантических типов сказуемых и построившей на этой основе классификацию простых предложений¹³. Внимание к глагольному значению как семантическому ядру предложения характерно и для работ Ф. Данеша и его коллег. Понимая семантическую структуру предложения как синтаксическое употребление структурных формул, образуемых глагольными значениями, Ф. Данеш считает моделирование этих последних этапом, предваряющим описание смысла высказывания. Ф. Данеш распределяет глаголы по трем классам, обозначающим: 1) статические ситуации, 2) процессы и 3) события. Глаголы первой группы выражают отношения локативного, посессивного, атрибутивного и других подобных типов. К классу событий относятся такие глагольные значения, которые могут быть описаны как переход от исходной ситуации к конечной (ср. *Карл исчез из Праги*). Процессами называются динамические глагольные значения, не относящиеся к категории событий. Процессуальные значения подразделяются на активные, неактивные и неструктурированные¹⁴.

¹² B. Russell. On propositions: what they are and how they mean.— В кн.: B. Russell. Logic and knowledge. London, 1956, стр. 314.

¹³ Т. Б. Алисова. Опыт семантико-грамматической классификации простых предложений.— ВЯ, 1970, № 2; Она же. Очерки синтаксиса современного итальянского языка. М., 1971, гл. II.

¹⁴ Fr. Daneš. Some thoughts on the semantic structure of the sentence. «Lingua», 1968, v. 21; Он же. Pocus o strukturní analýzu slovesných významů. «Slovo a slovesnost», 1971, t. 32, стр. 193—207; см. также разработку этого подхода в статье: J. Kořenský. K problému

Исследование значения и сочетаемости глагольной основы предложения получило в некоторых работах валентностно-лексическое развитие. При этом подходе в фокус исследовательского интереса попадает структурно-лексическая основа предложения, под которой понимается «комбинация лексем, синтаксическая единица, организованная по действующим в данном языке правилам вокруг финитного глагола, существительного, прилагательного, инфинитива, причастия, наречия, т. е. это словосочетание в традиционном понимании»¹⁵.

Признавая плодотворность подобного подхода в плане обнаружения валентностных свойств слова (лексемы) как «усредненной» и отвлеченной от синтаксической функции единицы словаря, мы в то же время сомневаемся в том, что он может приблизить к раскрытию закономерностей формирования структурно-лексической основы предложения. Комбинирование слов зависит не только от их валентностных потенций, но и от их роли в предложении, а также от характера той синтаксической связи, которая их соединяет¹⁶. Так, есть разница в нормах образования словосочетаний, предназначенных для выполнения функции субъекта, и конструкций, пригодных для роли сказуемого предложения; не одинаковы также правила соединения слов атрибутивной и предикативной связью.

Субъект и предикат выполняют в предложении существенно различные функции: субъект и другие термы

větněsémantických funkcí nedějových významů českého slovesa. «Slovo a slovesnost», 1971, стр. 208—216.

¹⁵ Б. А. Абрамов. Структурно-лексическая основа предложения. «Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания (тезисы докладов секционных заседаний)». М., 1974, стр. 52.

¹⁶ В лингвистической литературе уже высказывались мысли, касающиеся зависимости сочетаемости слов от синтаксических факторов. Так, О. П. Ермакова в статье, содержащей тонкие наблюдения над нормами соединения слов в предложении, отмечает, что «способность существительного иметь при себе согласованное определение (считающаяся очень важным категориальным признаком существительного) в действительности неограничена и находится в явной зависимости от синтаксической позиции существительного, смысловых связей с составом предложения, не говоря уже о семантике существительного» (О. П. Ермакова. О синтаксической совместимости определения и предложно-падежных форм существительного. «Вопросы синтаксиса русского языка». Калуга, 1971, стр. 35).

конкретного значения замещают в речи предмет действительности, который они призваны идентифицировать для адресата сообщения, т. е. выступают в своей денотирующей функции, в то время как предикат, служащий целям сообщения, реализует только свое сигнификативное (абстрактное, понятийное) содержание, или смысл. Значение субъекта «прозрачно» и сквозь него отчетливо просвечивает денотат. С этим функциональным различием связаны различия в сочетаемости слов, занимающих в предложении позиции подлежащего и сказуемого. В субъекте определение относится к денотативному значению имени, указывая на некоторое свойство реального предмета, в предикате определение «сцепляется» с сигнификатом имени. Это можно показать на примере изменения значения прилагательных в зависимости от их вхождения в состав подлежащего или сказуемого. Ср. значения прилагательного *молодая* в таких предложениях, как *Она молодая хозяйка* и *Молодая хозяйка вошла в комнату*. Первое предложение может быть сказано о пожилой женщине, недавно оставившей работу и начавшей заниматься хозяйством. В нем прилагательное связано с сигнификатом слова *хозяйка*, а не его денотатом: *Она молодая хозяйка* = она недавно хозяйничает в доме. Второе предложение едва ли применимо к пенсионерке. В нем признак молодости характеризует денотат имени *хозяйка*, а не его сигнификат. Прилагательное в этом случае выражает свойство носителя имени, реального лица, безотносительно к тому, каким словом это лицо обозначено. Такое предложение уместно употребить, например, тогда, когда в доме к ведению хозяйства причастны две женщины, предположим, мать и жена хозяина дома. Признак молодости служит целям их различения. Ср. также возможность субъектных сочетаний *белокурая хозяйка*, *черноглазая хозяйка* при их неестественности в функции сказуемого: *В комнату вошла черноглазая (длинноносая) хозяйка дома* и **Она — черноглазая (длинноносая) хозяйка дома*.

Нормы комбинирования слов в субъектном словосочетании сходны с закономерностями, регулирующими соединение слов предикативной связью: и в том, и в другом случае определение относится к денотату имени, а не к его сигнификату. Действительно, всякое субъектное словосочетание может быть развернуто в предложение. Между тем обратное утверждение было бы неверно: не вся-

кое предложение может быть свернуто в атрибутивное словосочетание. Различия в правилах образования словосочетаний и предложений зависят от ряда причин. Одна из них связана с различиями в природе синтаксических отношений: динамические отношения предикации в большей степени определяются планом смысла, чем статические отношения атрибутивного типа, подчиняющиеся формальным правилам морфологического характера. Не случайно, поэтому, предикативные отношения часто считаются самым свободным видом синтаксической связи. Предикативное соединение слов имеет несравненно меньше структурных ограничений, чем сочетаемость, реализуемая непредикативной конструкцией. Предложения типа *Пирог — пальчики оближешь; Работы — невпроворот; Дел — по горло* и др. не могут быть сведены к словосочетанию.

Не преобразуются в словосочетания и предложения типа *Петр весел; Он пришел*. Термы, лишенные понятийного содержания (сигнификата), такие, как имена собственные и местоимения, не способны входить в атрибутивные отношения. В то же время для них естественно быть субъектом суждения (или иным актантом) и соединяться с предикатом. Выступая в этой функции, имя собственное служит идентификации предмета (обычно лица). Поскольку имя собственное однозначно указывает на своего носителя, оно не нуждается в атрибутах, которые бы выражали отличительные приметы объекта. Если такая необходимость возникает, то к имени может быть добавлено определение, которое в совокупности с ним образует составное имя собственное (ср. *Длинный Джон, Большая Берта, Александр Первый, Маша Беленькая* и пр.). Точно так же достаточны для идентифицирующих целей дейктические местоимения, прямо указывающие на предмет речи. Избегают сочетания с определениями и другие имена, однозначно идентифицирующие объект, такие как *отец Петра, председатель собрания, президент республики, министр торговли*. Спорадически появляющиеся при них атрибуты выполняют функцию эпитета.

Не всякое словосочетание, естественное в роли сказуемого, допускает предикативизацию. Такие сочетания, как *порядочный негодяй, отъявленный плут* и т. п., уместны только в позиции сказуемого, ср. *Он порядочный негодяй; Петя отъявленный плут*. Предложения **Этот не-*

годяй порядочный; этот плут отъявленный некорректны. Прилагательные типа *заядлый, закоренелый, отъявленный* и пр. принадлежат к разряду синкатегорематических слов. Они не выражают сами по себе признака (качества, свойства) лица, безотносительно к какой-либо его функции, аспекту, черте. Такие прилагательные не могут, поэтому, соединяться со словами, выполняющими в предложении денотирующую функцию. Им «нужен» сигнификат имени.

Таким образом, одни причины обуславливают различия между лексической основой предложения и словосочетания, другие различают сочетаемость слов в предложении и субъектном словосочетании, третьи ответственны за различия в формировании предложения и состава сказуемого. Состав сказуемого, состав подлежащего и предикативная основа предложения образуются в соответствии с разными нормами сочетаемости.

Сказанное не позволяет согласиться с тем, что «понятие структурно-лексической основы снимает проблему отграничения предложения от слова и словосочетания в ее традиционной постановке»¹⁷. Напротив, мы думаем, что лексико-семантическая организация предложения и словосочетания различны. Эти единицы синтаксиса лишены взаимной обратимости.

В ряде исследований смысловая структура предложения моделируется с опорой на грамматические понятия и категории. Основным пафосом этих работ являются «поиски соотносительности в предложении грамматических признаков с семантическими»¹⁸. В этом духе выполнено исследование по русскому синтаксису Г. А. Золотовой. Автор начинает с определения семантических функций элементарных синтаксических форм, образующих предложение, и кончает выделением типовых значений моделей предложения. Под типовым значением Г. А. Золотова понимает «смысловой результат предикативного сопряжения структурно-смысловых компонентов модели предложения»¹⁹ (ср. «предмет и его качество», «субъект и его состояние»). Изложенный подход опирается на мысль о том,

¹⁷ Б. А. Абрамов. Указ. соч., стр. 52.

¹⁸ Г. А. Золотова. Очерки функционального синтаксиса русского языка. М., 1973, стр. 17.

¹⁹ Там же, стр. 25.

что «названные типы отношений между явлениями действительности не могут существовать в языковом сознании иначе как в виде одной из данных языком синтаксических конструкций»²⁰.

Основной задачей семантических разысканий в области синтаксиса предложения Н. Ю. Шведова считает определение собственного значения формально-синтаксических моделей. Согласно этой точке зрения, «грамматическая организация предложения [...] уже сама по себе является фактором, небезразличным для семантической структуры построенного по этой схеме предложения. Отвлеченные значения компонентов схемы и отношения между ними служат первоосновой семантической структуры предложения, представляя ее в максимально обобщенном виде»²¹. В соответствии с этим общим взглядом «под семантической структурой предложения понимается его информативное содержание, представленное в абстрагированном виде как закрепленное в языковой системе соотношение типизированных элементов смысла»²². Н. Ю. Шведова стремится изучать значение предложения, базируясь на собственно языковом материале, без обращения к структуре внеязыковой ситуации. Единицы каждого уровня языка, в том числе структурная схема предложения, обладают семантическим своеобразием, создаваемым, по мнению Н. Ю. Шведовой, взаимодействием в них категориального и конкретного значений²³.

К исследованиям семантики синтаксиса принадлежат и работы Е. В. Падучевой. Автор исходит из того, что «значение предложения складывается из значений лексем, грамматических значений словоформ и значений синтаксических конструкций»²⁴. Поэтому «описание семантики синтаксиса должно быть тем компонентом описания язы-

²⁰ Г. А. Золотова. Указ. соч., стр. 26.

²¹ Н. Ю. Шведова. О соотношении грамматической и семантической структуры предложения. «Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации». М., 1973, стр. 461.— Как будто иной точки зрения придерживается О. И. Москальская (см.: О. И. Москальская. Указ. соч., стр. 37).

²² Н. Ю. Шведова. Указ. соч., стр. 461.

²³ Н. Ю. Шведова. О значениях единиц разных уровней языка. «Все-союзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания (тезисы докладов и сообщений пленарных заседаний)». М., 1974, стр. 166—167.

²⁴ Е. В. Падучева. О семантике синтаксиса. М., 1974, стр. 12.

ка, которое позволяет дополнить описание лексической и морфологической семантики до описания семантики предложения в целом»²⁵. Е. В. Падучева ищет решение проблемы семантики синтаксиса на пути толкования семантически сложных конструкций, в которых связь между формой и смыслом не является очевидной, через более простые конструкции. Основное внимание автора обращено на изучение синонимических отношений между высказываниями, а также тех формальных преобразований, которые их соединяют. Синонимическому классу предложений соответствует одно предложение, записанное на языке смыслов и принимаемое за семантическое представление данного класса. В качестве «языка смыслов» автор пользуется тем естественным языком, который служит объектом описания.

Проблема выбора рационального способа представления семантической структуры предложения существенна для генеративного направления исследований, поскольку в порождающих моделях языка смысл сообщения составляет тот исходный материал, который поэтапно конвертируется в реальное высказывание конкретного языка²⁶. Сходную методику описания значения предложения можно встретить и в других концепциях. Так, И. П. Сусов, опираясь на денотативную основу (реляционный костяк) предложения, описывает далее процесс формирования значения высказывания как постепенное «обрастание» простой абстрактной схемы «в результате «привязываемых» к ней операций новыми и новыми компонентами, пока она не становится сложным, «многоэтажным» образованием, более или менее полно удовлетворяющим коммуникативному намерению»²⁷. Подобный подход к семантике предложения может быть охарактеризован как уровневый.

Наряду с перечисленными направлениями в изучении значения предложения, каждое из которых может ока-

²⁵ Там же.

²⁶ Один из способов представления смысла высказывания описан в статье: И. А. Мельчук. Об одной лингвистической модели типа «смысл — текст». Уровни представления языковых высказываний. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1974, № 5, стр. 438—440.

²⁷ И. П. Сусов. Семантическая структура предложения. Автореф. докт. дисс. Л., 1973, стр. 33; *Он же*. Семантическая структура предложения. Тула, 1974.

заться плодотворным в решении определенных задач, издавна и даже издревле существует логический взгляд на предложение. Если вспомнить те определения предложения, которые не претендовали на точное соблюдение правил научных дефиниций, но надеялись вскрыть сущность определяемых категорий, то в них чаще всего и дольше всего отмечалось, что предложение выражает (законченную, относительно законченную) мысль. В способности передавать мысль обычно видели специфику содержательной стороны предложения, отличающую его от слова и словосочетания. Иногда приведенное определение инвертировалось и указывалось, что мысль, выраженная словами, есть предложение. И действительно, мысль не может быть выражена в языке иначе, как в форме предложения.

В русской лингвистической традиции, как известно, логический подход к языку, в частности к структуре предложения, развивался вплоть до второй половины XIX в.²⁸ Одним из наиболее последовательных поборников союза логики и лингвистики был, пожалуй, И. И. Давыдов, близкий идеям всеобщей грамматики. И. И. Давыдов писал: «Как слово с мыслию, так Грамматика с Логикою находятся в тесной связи. Эта естественная связь должна поддерживаться, как связь мысли и слова. Логика, объясняя происхождение органических отношений мыслей и понятий, служит нам руководством, помощью которого Грамматика разрешает свою задачу. Равно Грамматика, излагая формы, в которых особые отношения мыслей и понятий и их последовательное развитие отпечатлеваются осязательно, открывает Логике вход в святилище мыслящего духа; и как все формы мысли отражаются в языке, то она служит Логике руководительницею, которой мысль может довериться при разрешении своих вопросов»²⁹.

Главы, посвященные синтаксису (или, в тогдашней терминологии, словосочинению), И. И. Давыдов открывает следующими словами: «Рассматривая образование и состав языка, мы видим, что на нем постоянно веет дыхание живой мысли, и весь организм его основывается на

²⁸ См. обзор концепций в кн.: В. В. Виноградов. Из истории изучения русского синтаксиса. М., 1958.

²⁹ И. И. Давыдов. Опыт общесравнительной грамматики русского языка. СПб., 1853, стр. 16—17.

внутренней необходимости ума человеческого. Человек говорит, потому что мыслит; ему вместе с мыслью даровано свыше и слово. Как слово с мыслью, так и Грамматика с Логикой находится в тесной связи. Если Грамматика имеет предметом объяснить *общие* законы слова человеческого и *частные* особенности какого-либо языка, то в разрешении этих вопросов служит нам руководством Логика, объясняющая органическое происхождение и развитие понятий и мыслей»³⁰.

Настоящая работа в большей своей части посвящена логико-семантическому аспекту предложения³¹. В ней, поэтому, коротко рассматриваются понятия, которые используются в логическом анализе значения предложения (понятия пропозиции и глаголов пропозиционального отношения, понятие референции). Этому посвящены первая и третья главы.

При изучении синтагматики предложения со стороны ее содержания основное внимание было направлено на логические, т. е. обусловленные свойствами мышления, закономерности создания цепочек смыслов (см. вторую главу).

Основное содержание работы состоит в выделении логико-синтаксических «начал», т. е. тех отношений, которые, будучи непосредственно связаны со способами мышления о мире, в то же время причастны к грамматическому строю языка. В. Г. Адмони, в работах которого отводится много места анализу логико-грамматических типов предложения, характеризует эти последние как «конкретные грамматические структуры, обладающие грамматической формой, с помощью которой выражается, однако, не что иное, как логическое содержание, т. е. отразившиеся в человеческом мышлении типические связи и отношения объек-

³⁰ И. И. Давыдов. Указ. соч., стр. 263.

³¹ См. относящиеся к этой стороне предложения исследования: В. З. Панфилов. Логика и грамматика. М.—Л., 1963; *Он же*. Взаимотношение языка и мышления. М., 1971; *Он же*. Языковые универсалии и типология предложения. — ВЯ, 1974, № 5; Г. В. Колшанский. Логика и структура языка. М., 1965; Б. А. Серебrennikov. Развитие человеческого мышления и структура языка. «Ленинизм и теоретические проблемы языкознания». М., 1970. — Более полную библиографию см. в приложении к главе К. Г. Крушельницкой «Проблемы взаимосвязи языка и мышления» в кн.: «Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка». М., 1970.

тивной действительности»³². Логико-синтаксические структуры представляют собой наиболее общие модели в которых мысль формирует смысл.

Выделение логико-синтаксических типов опирается на следующие свойства предложения: 1) природа терминов отношений — в предложении может устанавливаться связь между любыми из тех сущностей, которыми оперирует человеческое мышление: предметом, понятием, именем (словом), представленными в высказывании денотатом, сигнификатом и означающим; 2) направление отношения — мысль может двигаться между терминами отношений в том или другом направлении. Названные два признака обуславливают связь логико-синтаксической структуры предложения с референцией входящих в нее имен и коммуникативной перспективой высказывания: природа терминов отношений обнаруживает себя в референции имени, а направление отношения отражает коммуникативную перспективу предложения.

Применительно к материалу русского языка в настоящей работе выделены следующие четыре логико-грамматических «начала»: 1) отношения экзистенции, или бытийности, 2) отношения идентификации, или тождества, 3) отношения номинации, или именованья, 4) отношения характеристики, или предикации в узком смысле этого термина.

Отношения экзистенции соединяют концепт и предмет, понятие и материю. В экзистенциальном предложении утверждается существование (или несуществование) в мире или некотором его фрагменте объекта (класса объектов), наделенного определенными признаками. Ср. *В этой стране есть испанские змеи; Леших не существует; Снежный человек существует.* Мысль в этом случае движется от концепта (понятия) к субстанции, объекту, воплощающему заданную совокупность черт. Здесь уместно подчеркнуть, что в абсолютных (относящихся к миру) экзистенциальных утверждениях концепт обычно создается не одним признаком, а комбинацией, совокупностью ряда черт. Поэтому, проблема бытия часто сводится к вопросу о совместимости признаков в концепте (ср. проблему

³² В. Г. Адмони. Введение в синтаксис современного немецкого языка. М., 1955, стр. 103—104; см. также: В. Г. Адмони. Типология предложения. «Исследования по общей теории грамматики». М., 1968.

существования «круглых квадратов») или в материальном объекте (русалках, коньках-горбунках и пр. жителях сказочных миров).

Инверсия мыслительного процесса, его направленность от объекта к его признакам, набору признаков, состоянию, свойствам, действию ведет к изменению логических отношений, их преобразованию в отношения х а р а к т е р и з а ц и и, или собственно предикации. В этом случае заранее данным является некоторый объект, в котором активным актом мышления выделяется тот или другой признак. Ср. *Море сегодня спокойно; Эта змея огромна*. Логико-синтаксические отношения определяются, следовательно, не только теми категориями, которые они связывают, но и направлением связи.

Отношения н о м и н а ц и и соединяют объект и его имя, т. е. элемент предметного мира и элемент языкового кода. Ср. *Этого мальчика зовут Коля. Это Коля. Коля. Это дерево — сосна*. Отношения именованья могут соединять не только предмет и его имя, но также понятие (свойство, качество, событие и пр.) и способ его обозначения в языке (слово). Однако для синтаксической организации предложения существенна лишь наиболее простая форма этих отношений, соединяющая предмет (лицо) и его собственное имя. Только этот простейший вид именованья принимается во внимание в настоящей работе.

Инверсия отношений именованья, при которой мысль двигалась бы от слова (означающего) к его значению (сигнификату) создает отношения интерпретативного типа, которые очень близки к отношению тождества. Сообщая о том, что значит слово, мы не только соединяем звук со смыслом, но как бы приравниваем значение слова к его толкованию при помощи других слов. Ср. *Печаль это скорбно-озабоченное, нерадостное, невеселое настроение, чувство*. Такие предложения используются тогда, когда адресату неизвестен первый элемент равенства — означаемое интерпретируемого слова. Они могут быть определены как э к с п л и к а т и в н ы е. Интерпретативные отношения не соотносятся с особым типом предложений. Они, поэтому, не входят в число логико-синтаксических «начал». То же можно сказать и о другом виде инверсии отношений именованья, при которой мысль движется от имени (данного) к его конкретному носителю — предмету или лицу. Ср. *Кто здесь Соколов? Соколов это я*. Такого

рода отношения не существенны для анализа синтаксического строя русского языка.

Отношения **идентификации** рефлексивны, т. е. обращены на один объект. Они, поэтому, в логическом смысле не могут быть инвертированы. В наиболее ясном случае эти отношения устанавливают тождество объекта (денотата) самому себе (онтологическое тождество). Что касается абстрактных категорий, то проблема их отождествления осложняется отсутствием у этих сущностей независимого от языкового обозначения бытия. В данной работе принимается во внимание только онтологическое тождество.

Итак, хотя те сущности, которыми оперирует человеческое мышление (денотат, сигнификат, означающее, соотв. предмет, понятие, имя) способны быть терминами большего количества логических отношений (таких отношений могло бы быть девять), для формирования синтаксических структур русского языка (а возможно, и других языков) существенны лишь четыре названных вида отношений, каждое из которых соотносительно с особой логико-синтаксической структурой — экзистенциальными предложениями, предложениями тождества, предложениями именованья и предложениями характеристики.

Прямое назначение перечисленных логико-синтаксических структур постоянно расплывается варьированием их лексического наполнения. Можно полагать, что, если бы в языке не были представлены упомянутые выше четыре структурных типа, одного было бы довольно для передачи любого вида логических отношений и, шире, любого содержания. Это предположение будет ниже проиллюстрировано материалом экзистенциальных высказываний. Объем настоящей работы позволил описать только два логико-синтаксических типа предложений — предложения экзистенциального и идентифицирующего типов, менее всего исследованные применительно к русскому языку.

Интересуясь вопросами связи между категориями логики, формирующими структуру предложения, и категориями семантики и будучи убеждены в том, что логическая структура мысли и тесно связанная с нею коммуникативная задача сообщения непосредственно воздействуют на образование сначала речевого смысла, а затем и устойчивого лексического значения слова, мы посвятили этому кругу вопросов последнюю главу настоящей работы.